

Время Советской Латвии и латышской эмиграции

Американцы засылают в Латвию шпионить... русского!

Борис Инфантьев

Когда Орест Осис, главный персонаж приключенческого детективного романа Аншлава Эглитиса «Можно ли здесь получить пиво», Рига, 1990 г., («Vai te var dabūt alu») — завербованный американской разведкой и посылаемый в Латвию шпионом для подрывной деятельности, садится в катер для переброски его водным путем в Латвию, он с удивлением и неудовольствием обнаруживает: его напарник, с которым ему придется нести и переживать все путевые трудности, разделить довольно непредсказуемую судьбу... — русский! Русского американцы засылают в Латвию для ее освобождения от русских! Не менее удивлен и Кулдингский пастор — первый в цепи многочисленных борцов за независимость Латвии, освобождения ее от русской оккупации, один из тех многочисленных членов подпольного сопротивления, которыми покрыта вся Латвия и которые, по глубокому убеждению их хозяев, периодически и систематически передают в «центр» самую свежую и правдивую информацию о том, что происходит в порабощенной большевиками, то бишь русскими, Латвии. Что побудило стать американским шпионом латыша — понятно: желание спасти из большевистско-русского ада свою жену и дочку. И сделать это нужно именно таким —

нелегальным путем: все остальные — репатриация, туристическая поездка, для эмигранта неприемлемы, чреватые чекистской слежкой, возможным арестом и другими не менее неприятными проявлениями активности чекистов. Что же привело к подобному, не совсем обычному поступку человека, нашедшего свое место в цивилизованном мире?

Руководителю подпольной группы, с которым американские шпионы установили связь, Вернеру, ясно: родившийся в Риге, а не в Двинске, как значилось в его «легенде», сын немецко-латышского негоцианта и русской аристократки, конечно же, принимает такое рискованное предложение в чисто экономических интересах: вернуть свое рижское наследство в виде домов и магазинов. На самом деле это не совсем так. В откровенной беседе со своим случайным напарником Сергей Жбанов («Не Жданов», — с усмешкой замечает он при первом знакомстве со своим напарником) незадолго перед трагической для него развязкой, уже теперь вполне доверившись своему товарищу, говорит: «Ни долги, ни женщины, ни другие неприятности не заставили меня ступить на этот чреватый трудностями и опасностями путь». Почему люди думают, что опасности принимают только те, у кото-

рых нет больше другого выхода? Другой выход можно найти всегда, но ни в одной войне нет недостатка в добровольцах!

«Риск имеет тайную привлекательность. Нет человека, который никогда не играл бы с мыслью включить свою жизнь в игру. Вернер, руководитель подпольной группы, думает, что я надеюсь получить обратно дома и имущество. Об этом я никогда не думал. Ради этого не совал бы свою голову в петлю. Есть более мощный побудитель: ненависть к коммунистам у меня в крови. От матери. Она принадлежала к роду важного государственного чиновника. Большую часть этого рода большевики уничтожили уже в самом начале революции. Кое-кто из родных и двоюродных братьев матери пали в полках Колчака и Деникина. Кто спасся, того прикончила великая чистка Сталина. Это все накладывает определенные обязанности. Немецкая армия отступила, но было совершенно ясно, что я опять однажды вернусь в Россию. Вопрос только, когда. Весь прошлый год я не знал, куда себя девать, и мне показалось, что мое время пришло. Признаюсь, что эта страна меня гипнотизировала, как змея воровья». На вопрос своего латышского сотрудника, сожалеет ли он о том, что ввязался в такое опасное дело, резко отвечает: «Нет, я верю в судьбу». Поясняя сказанное, следует еще добавить, что и разгоревшуюся в 1941 году войну Сергей использовал во всех возможностях в качестве переводчика в Германской армии, проехав от границы до Кавказа.

О внешности Сергея Жбанова сказано в романе немного: «Среднего роста, плечист, человек приличного облика, на несколько лет моложе его» (то есть Ореста Осиса, — Б.И.). Зато о его физическом состоянии во время различных испытаний трудного пути рассказывается достаточно много, чтобы составить представление о хрупком, слабом физически, не привыкшем к тяжелым физическим испытаниям, да и не желающем терпеть какие-либо трудности для достижения поставленных результатов. Уже на катере спутник латышского разведчика предполагает отлеживаться в кровати, зарывает голову под подушку (с. 41). Но настоящие трудности начинаются на плоту, на который Сергей ввалился с проклятьями и стонами: «Здесь мокро, — возмущается он, — плот полон воды! Разве мы не тонем?» (с. 43).

При выезде на лодке «Сергей вскрикнул, падая в объятия Ореста.

— Обратно, поганец, — вынужден кричать на него Орест, захлебываясь всплесками воды. Сергей барахтался, лез обратно». Сергей немного почерпал воду, но скоро устал, подчинился мокрой судьбе и лежал в носу, как в обмороке, только изредка издавая стон» (с. 43).

«Плот сразу же начал неритмично качаться набок и поперек, и Сергей на носу громко застонал» (с. 45).

Не без задоринки для Сергея проходит и сама высадка: «Русский неловко карабкался с плота и упал, запутавшись в веревке, к которой был привязан. Орест быстро вынул нож и перерезал веревку. Сергей вскочил в воде, рядом с плотом на все четыре и шипя и проклиная, карабкался к берегу». И тут не обходится дело без помощи Ореста. «Через каждые два шага Сергей спотыкался и падал в песок» (с. 46). И снова: «Сергей валялся между обеими сумками все еще совсем разболтанный.

— Хорошо, — говорил он, дрожа. — Свинство. Я совсем промок и промерз. Я получу воспаление легких, — жаловался Сергей».

Следующая проблема: надо нести тяжелую сумку с оружием, частью рации и другим шпионским инвентарем. У Сергея вновь возникает сомнение: «Такую тяжесть никто не может поднять. Зароем сумки тоже». Орест, разумеется, указывает снова на инструкцию, в которой ясно указано, как далеко следует отнести сумки от места высадки. «Она тяжела, — настаивает на своем Сергей. — Придем за ней позже, когда успеем отдохнуть» (с. 47).

Уже первая переправа требовала от Ореста много энергии — необходимо было постоянно подбадривать и «вдохновлять» Сергея руганью. А тут еще река! Оресту Осису приходится не только успокаивать и «вдохновлять» своего русского размякшего напарника. Немало усилий он должен употребить, чтобы удерживать его от самых различных опрометчивых шагов сразу же после высадки на берег Латвии. «Орест только успел схватить Сергея за руку, вытянутую к проволочному ограждению с ножницами, чтобы их перерезать. Это был бы явный сигнал охране, что тут что-то неладно». «Вырезанную дырку заметит первый патруль» (с. 48). А через некоторое время ему удается предотвратить другую опрометчивость — Сергей хотел нажать на курок, и тем самым выдать присутствие не совсем лояльных обывателей (с. 50). И всюду и везде, в самых последних мелочах Сергей, в отличие от Ореста,

только и думает о своем благополучии, а отнюдь не об удаче всего предприятия. Тяжелую «адскую сумку» он так желал бы, чтобы нес составитель инструкции, американец Блок.

— Всего чего у нас чрезвычайно много, — возмущается Сергей в очередной раз. — И вместо коньяка — бенцендрин! Разве они не могли договориться о контакте в Пилтене. Было бы гораздо ближе и удобнее» (с. 52).

То, что организатор «экспедиции», американский полковник Блок совершенно сознательно и целеустремленно в напарники Оресту Осису дал русского, нельзя было считать опрометчивым шагом. «Такой спутник, как я, — размышлял Сергей, — устранил подозрение также от тебя. Они теперь там говорят на достаточно своеобразном русском языке, чем тогда, когда я жил в Даугавпилсе. Я многому доучился, но не все тонкости можно так быстро усвоить. Придется говорить меньше. Я уже вижу, что тебе это дело не нравится» (с. 37).

Свою «русскость» Сергею пришлось использовать уже в первые дни пребывания в Латвии. Первую ночь новоиспеченные шпионы-диверсанты ночуют в колхозном сарае, замки которого они сломали, чтобы проникнуть внутрь. Утром Орест отправился в Куддигу, чтобы встретиться с упомянутым пастором, а Сергей был подвергнут первым испытаниям, о которых он рассказывает Оресту: «Пришли колхозные старики, заметили отломанный замок. Нашли меня в сарае и грозились отдать милиции. Я стал ругаться по-русски и сказал, что только-только приехал из Москвы и заблудился в чужом месте». Сергей, очевидно, наивно предполагал, что магическое упоминание Москвы произведет на латышских колхозников потрясающее впечатление. Однако, ничего подобного не произошло: «Никакого особого уважения к русскому у них не было. Пытались даже меня побить. Только когда дал двадцать рублей, они успокоились». Происшедшие первые неудачи снова вызывают в нетерпеливом Сергее недовольство: «Сергей тихо ругался. — Что они посылают людей, если дело такое сомнительное! Они впихнут нас в подлинное несчастье».

Физическая неприспособленность к трудностям, с которыми сопряжена работа шпиона и диверсанта опрометчивость и порой стремление к неразумным, рискованным поступкам, — это только одна сторона сущности Сергея, существенно отличающая его от пусть

даже политически весьма наивного, но в то же время физически выносливого во всех своих поступках благоразумного латыша.

Различия увеличиваются с каждым новым эпизодом приключенческой деятельности шпионов. В отличие от своего латышского напарника Сергей проявляет максимум осторожности именно там, где это совсем не нужно. Даже в чайную зайти боится, а вдруг там милиционер окажется, который тут же его разоблачит (с. 68).

При первом знакомстве с «хорошо законспирированным подпольем» Сергей хитрит, заведомо дает неверные показания. Русский возмущен расположением квартиры, в которой оба шпиона оказались как бы в западне: в квартире нет второго выхода! «Могут возникнуть тысячи положений, когда вторые двери означают спасение, — высказывает он свои опасения напарнику, — двое дверей относятся к азбуке конспирации». Его очень удивляет нерациональное скопление «связных» подпольной организации: «И почему мы сидим вместе восемь человек, когда вполне достаточно было бы одного связного. По крайней мере, какой улов, если Чека теперь постучала бы у дверей! Сколько бы человек тогда осталось у подполья!?» (с. 75). Энергично и целенаправленно ищет Сергей установленный в их комнате микрофон (с. 82), демонстративно не отвечает или сворачивает разговор, как только Вернер (руководитель подполья) задает ему разные провокационные вопросы (с. 81–82). Вся эта подозрительность, недоверчивость Сергея вызов на поведение «хорошо законспирированного подполья», — Среди союзников должно царить полное доверие. — Но Орест другого мнения: «Может быть, тебе не нравится, что они нас охраняют? Разве мы на их месте поступили бы иначе?»

Некоторые непредвиденные события, в том числе и обнаруженное не то людьми Вернера, не то чекистами весло того самого злочастливого плота, который доставил столько страданий Сергею, заставляет обоих насторожиться. Было бы логично, — рассуждают засланные шпионы, — если бы это весло нашел патруль стражи, которая наблюдает за прибрежными дюнами. Но, возможно, у Вернера есть люди и среди прибрежных стражников? Кто же в таком случае правит в Латвии? Коммунисты или Вернер с его подпольной организацией?» Наивный латыш может еще сделать предположение: «Организация Вернера более

разветвленная и сильная, чем нам казалась». «Этого я именно и боюсь», — отвечает ему более опытный и смысленный в политике Сергей.

Латыш и тут остается верен своей наивной, доверчивой мысли: «Ты чересчур много думаешь и расстраиваешься, Сергей! По поводу каждой ерунды и мелочи. Это доставляет нервам чрезмерную нагрузку. Мне кажется, что ты вообще не способен кому-то верить или на кого-то полагаться. Это твоя русская кровь, которая тебе не позволяет жить без подозрений и беспокойства. Русские, восточные люди вообще не способны доверять. В другом человеке они видят только другого мошенника» (с. 96). Сергей отвечает своему напарнику сходной же характеристикой латыша: «Латышам принадлежит стремление к простоте и откровенности. Чистое сердце, как говорится, Антыньш, Кукажня, Бунгатыньш, — я их всех хорошо еще помню со школьной скамьи. Прекрасные люди, но в наше время больше не пригодны. По крайней мере, не на этой стороне железного занавеса». Сказано все. Остается раскрыть карты. В идейно-политической дискуссии наивного латыша и опытного прозорливого русского побеждает последний. Руководимая Вернером «хорошо законспирированная» подпольная организация, как и другие, функционировавшие в разные времена на территории Латвии, оказалась просто-напросто филиалом той же Чека.

С Сергеем как с непримиримым, идейным, сознательным врагом советской власти, к тому же свою ненависть подкрепляющим экономическими, по мнению чекистов, интересами, расправа коротка: его быстро и без каких-либо формальностей убивают, вывезя за город, подальше от человеческого ока и Ореста. А Орест? Ему не остается ничего иного, как по заданию чекистов возвращаться на Запад и там представлять латышское, хорошо законспирированное подполье. Ради жены он, собственно говоря, ввязался в такую аферу. А она, прихоронившая в Риге к нему на связь и заверявшая в готовности уехать с ним за границу, на самом деле уже давно была верной женой одного рижского чекиста. Вместо жены Ореста сопровождала заместитель Вернера, расторопная и бойкая, сознательная и преуспевающая чекистка, которая должна была наблюдать за деятельностью Ореста за рубежом и предупреждать все допускаемые им ошибки и просчеты. Но, увы! Всесильная Чека всесильна только до государственных границ Советского Союза. Почувствовав себя на свободе, матерая чекистка пожелала стать свободной. Она вместе с Орестом пришла с повинной к тому же Блоку и рассказала ему всю правду. Так завершилась ничем целая цепочка шпионских акций, из которых все оказались мыльными пузырями.